

УДК 94(571.54-25)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-110-115

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ
И ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА ВЕРХНЕУДИНСКА
В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

© Роман Артурович Евтехов

аспирант, Бурятский государственный университет

E-mail: romachka1818@rambler.ru

Западнические реформы Петра I часто находили открытое неприятие со стороны традиционного российского общества. Необходимость укрепления своих позиций, как материальных — церковь была крупным собственником, так и идеологических, когда священнослужители были обязаны контролировать паству, доносить об исповеди и прочее, — подвела правительство к необходимости контроля над церковью. После административного контроля, правительство установило более тесное взаимодействие церкви и полиции как двух структур обеспечивающих благочиние. В статье на основании архивных источников рассматриваются грани взаимодействия между духовным правлением (церковной властью) и городской полицией (светской, исполнительной властью) в интересах правительства. Кроме того, определены формы церковного надзора за обществом в интересах власти, в их числе контроль посещения причастия, исповеди и штрафование за их непосещение. Автор выводит основные грани взаимодействия в числе миграционного контроля, поиска беглых и шатающихся, соблюдения законов империи и послушания властным структурам.

Ключевые слова: городская полиция, история Верхнеудинска, духовное правление, комендант крепости, Иркутская губерния, взаимодействие светской и духовной власти.

**INTERACTION OF THE CITY POLICE AND CHURCH
ADMINISTRATION OF VERKHNEUDINSK
IN THE LATE XVIII CENTURY**

Roman Evtehov

Postgraduate student, Buryat State University

Westernizing reforms of Peter I often found an open rejection of the traditional Russian society. The need to strengthen its position as a material, the church was a major owner and ideological, when the priests were required to control the flock, to inform about the confession and the other, the government has brought in the need to control the church. Establish administrative control over the church, faced with the need for closer interaction between the church and the police as the two structures to ensure decorum. In the article on the basis of archival sources the aspects of interaction between the spiritual rule (ecclesiastical authority) and the city police (secular, the executive branch) in the interests of the government. Besides defined forms of church surveillance society in the interests of power, including control visits communion, confession, and fining them for

not attending. The author draws the basic aspects of interaction among migration control, search and wandering fugitive, law enforcement and obedience Empire authorities.

Keywords: City police, history Verkhneudinsk, church administration, the commandant of the fortress, Irkutsk Province, the interaction of secular and spiritual power.

Реформирование Петром I государственного аппарата управления затронуло как светские, так и духовные административные учреждения. В то же время откровенное неприятие церковью и по большей части консервативной частью русского общества западнических реформ первого русского императора делало положение центральной власти неустойчивым. После упразднения патриархата центральное правительство решило создать новую структуру, которая смогла бы концентрировать в себе церковное управление и подчинять ее общим законам и интересам существующей власти. Таким учреждением стал Правительствующий синод с обер-прокурором во главе. Новое ведомство руководствовалось «Духовным регламентом», который определил права и обязанности духовного сословия.

Все российское государство делилось на епархии — церковно-административные округа. Верхнеудинск в XVIII в. входил в Иркутскую епархию, создание которой в 1727 г. было связано с увеличением православного населения Сибири, миссионерской деятельностью, возрастанием количества церквей и монастырей. Епархии, в свою очередь, делились на благочинные округа, административно-территориальные единицы, которые объединяли несколько приходов, церкви, находящиеся в территориальной близости друг от друга. Руководство Удинским (позднее Верхнеудинским) благочинием осуществлялось духовным правлением, что свидетельствует о возросшей роли города как окружного центра. Не случайно в 1775 г. административное управление из Селенгинской крепости было переведено в Верхнеудинск. Духовные правления учреждены сразу после создания в 1731 г. Иркутской епархии [1, с. 27–28] и подчинялись духовной консистории (Иркутск). Административным реформированием, разделением на территориальные единицы и бюрократизацией церкви государство поставило духовную власть под контроль светской.

Подчинение церкви светской власти имело различные причины, в том числе необходимость контроля настроения в массах и наблюдения за внутренним спокойствием и благочинием. Для сохранения внешнего благочиния создана другая структура — полиция. При жизни Петра I полицмейстерские канцелярии были учреждены только в крупных городах с преобладанием на первых этапах своего существования хозяйственными функциями. Полиция на местах на большей части страны появилась после издания «Учреждения для управления губерний» в 1775 г. До этого ее функции исполняли провинциальные и городские воеводы либо военные команды во главе с комендантами. В задачи полиции входил контроль над миграцией населения (паспортный контроль), поимка беглых, сопровождение ссыльных (только для Сиби-

ри), соблюдение исполнения законов, пожарная охрана, порядок застройки городов и многие другие.

Ордером от Иркутского губернского правления на имя коменданта майора И. С. Мертвцова, руководившего гарнизоном крепости в 1753(65)–1771 гг., полицейская служба была отнесена первоначально к ведению военных комендантов [7, л. 17]. С учреждением Верхнеудинской провинции (1775) руководство городом было сконцентрировано в провинциальной канцелярии, во главе которой находился воевода артиллерии, майор Иван Тевяшев. Возникновение «двоевластия» привело к спору о подчинении полицейского правления. Суть его заключалась в том, что, согласно «Наказу губернаторам и воеводам» 1728 г., управление городом, следовательно, и полицией, по мнению воеводы, относилось к его компетенции, в то время как комендант майор И. А. Аппелегрейн, основываясь на указах Иркутского губернатора и в отсутствие специального распоряжения о передаче руководства полицией, настаивал на сохранении установившегося порядка. Более того, в сознании жителей полицейскую власть традиционно олицетворял именно комендант, а выражение уважения к нему иногда приобретало льстивые формы. В частности, в одном из обращений на имя коменданта его называли обер-полицмейстером [4, л. 73], хотя такие должности существовали только в крупных губернских городах и столице.

Несмотря на возражения воеводы, полиция оставалась в ведении коменданта и после упразднения провинциальных канцелярий (1783) вплоть до создания городской полиции (1798) и передачи ее в 1800 г. под начало первого городничего И. А. Сеннова. Первоначально полицейский аппарат во главе с комендантом состоял из двух ратманов, частного пристава, квартального надзирателя, словесного судьи, частного маклера, шести десятников, двух гражданских сержантов, трех квартальных поручиков, трех канцелярских служителей, мастера огнегасительных орудий. Интересно, что полицейский аппарат, являясь основным контролирующим органом центрального правительства в городе Верхнеудинске, был немногочисленным и на общественных началах, но его ключевые должности (частный пристав, квартальный надзиратель) оплачивались из сборов с городских обывателей.

Полицейский контроль, как указывалось выше, охватывал все сферы жизнедеятельности города, в том числе и духовную, о чем свидетельствует коллекция документов фонда 88 — Управление Верхнеудинского коменданта. Об обеспеченности Верхнеудинска духовными служителями можно судить из рапорта верхнеудинских полицейских дел в Провинциальную канцелярию, где указано, что всего в городе 115 домов, из них 9 синодальных. Документ не датирован, но очевидно, что составлен он между 1775 и 1783 гг. [7, л. 148]. Согласно данным ноября 1798 г. количество домов уже возросло до 298, из которых 10 принадлежали 10 духовным чинам [3, л. 39].

В 1800 г., согласно полицейской ведомости, в городе находились 2 деревянные и 3 каменные церкви. Деревянные: двухэтажная Спасская церковь, нижняя часть которой посвящалась Николаю Чудотворцу, придел — апостолам Петру и Павлу, и Троицкая с колокольнями. Каменные: двухэтажный собор во имя Божьей матери Одигитрии с колокольнею и нижней Богоявлен-

ской частью; строящиеся — одноэтажная с приделами во имя Николая Чудотворца, Дмитрия Ростовского, верхним приделом Петра и Павла с колокольней и двухэтажная Троицкая с колокольней и приделом Покрова Богородицы [2, л. 328]. В описаниях Л. К. Минерта упоминается еще и часовня во втором ярусе надвратной башни острога [9, с. 15], но в документах этого времени она уже не указывается, очевидно, потому, что помещение обветшало и более не использовалось для богослужений. Ведомость городской полиции сообщает и о том, что крепость, расположенная на горе, обнесена деревянной стеной с проезжими воротами и башнями по углам. Все ее сооружения (амбары, изба, подвал) находятся в ветхом состоянии и «засыпаются песком» [2, л. 328 об.].

Духовное правление как синодальное учреждение находилось при соборной Одигитриевской церкви в двух покоях деревянного здания [2, л. 328]. Возглавлял духовное правление в это время протоиерей Мордовских, прибывший из Иркутска и квартированный некоторое время у иркутского купца Солдатова. Его имя в занимаемой должности фигурирует в известных нам документах 1797–1798 гг. Он обращался непосредственно к коменданту как высшей полицейской инстанции в уезде, к тому времени комендантская должность уже не являлась исключительно военной, а включала в себя многие административно-распорядительные функции. Являясь административным учреждением, духовное правление действовало в меру своей компетенции и при необходимости обращалось к коменданту для решения некоторых вопросов, выходящих из сферы его полномочий.

Так, одно из обращений протоиерея Мордовских на имя коменданта секунд-майора Ивана Андреевича Аппелегрейна касалось приведения в покорность Верхнеудинского соборного священника Иоанна Поргачевского [4, л. 31, 31 об]. Последний, очевидно, решил использовать землю, завещанную церкви мещанином Амвросием Екыревым, в нарушение правил Святых Апостолов и указа Духовной консистории, согласно которым священник не может вступать во владение завещанным без разрешения начальства.

Общей обязанностью всех присутственных мест и общества царской России было наблюдение за окружающими и незамедлительное извещение о беглых, беспаспортных и «шатающихся». В этом плане существовало тесное взаимодействие административно-полицейских чинов и духовного правления. Так, духовное правление обращалось к коменданту по поводу рудокопа Осокина, который в наказание за преступление должен был исполнять церковное покаяние. Однако наказанный бежал в город, где его обнаружило духовное правление и просило водворить беглеца в Нерчинск в Петропавловскую церковь к священнику Гробову [4, л. 66].

Контроль над миграцией населения был одной из главных задач полицейской службы, в ее же полномочиях было оформление «подорожных» — проездных — документов, позволяющих менять лошадей на станциях по пути следования. В случае отлучек по казенным надобностям расходы оплачивались государством, частные поездки — путешественником. Для этого нужно было обратиться в местные органы полиции и получить заверенный документ. Довольно часто подобными услугами пользовались священники, однако не всегда духовное начальство разрешало поездки. Примером может слу-

жить обращение в городскую полицию Верхнеудинского духовного правления, требовавшего не выдавать подорожную до Селенгинска священнику Ивану Кобытову, мотивируя это отсутствием острой необходимости в его пребывании там [5, л. 14].

Взаимодействие с полицией не было односторонним, при необходимости комендант мог обратиться в духовное правление для получения, например, точных данных о количестве жителей, исповедующих православие, о чем свидетельствует рапорт городского главы Титова коменданту И. А. Апеллегреину. В нем указываются данные о строениях города, количестве жителей, налогоплательщиков и т. д. и предлагается сведения об их приверженности к православию получить в духовном правлении, в котором содержатся «духовные росписи» [6, л. 1] — документы учета прихожан, их посещения исповеди, Святого Причастия. Ведение таких учетных документов возлагалось на приходских священников, передававших информацию иереям, которые ежегодно, согласно именным указам Петра I от 8 февраля 1716 г. и 17 февраля 1718 г., составляли списки исповедовавшихся и не посещавших исповедь [12, с. 162]. Эти данные востребовались коменданту для составления отчетов о положении дел в городе по указу вышестоящего начальства.

Стремление светских властей сделать церковь орудием удержания власти можно наблюдать на протяжении почти всего XVIII в. Непосещение церкви, неисполнение церковных обрядов автоматически делали человека неблагонадежным, вызывая подозрение в злоумышлениях против государства. Для стимуляции исполнения паствой треб существовала система принуждения, например, уплата штрафа [11, с. 134–135] за непосещение Святого Причастия без уважительной причины. Учет посещения жителями церкви стал еще одной важной стороной взаимодействия полиции и духовного правления. Об этом свидетельствует рапорт от 10 апреля 1784 г. сержанта Степана Садовского из полицейского правления в комендантскую канцелярию [8, л. 17], в котором он не только отмечает нежелание жителей Верхнеудинска причащаться и исповедоваться, но и указывает на необходимость принятия определенных мер для исправления данного положения. Собственно уездный Верхнеудинск в данном смысле не является исключением из правил. Увеличение числа прихожан, отказывавшихся от исповеди, было общей тенденцией в развитии общества того периода. Академик Н. П. Покровский считал, что в законодательстве Петра I исповедь стала государственным способом проверки [12, с. 162–163], неким средством контроля за настроениями населения.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что духовное правление могло напрямую обращаться как к коменданту крепости, так и непосредственно в полицию для решения вопросов правопорядка и законопослушания. В этой сфере на примере города Верхнеудинска можно увидеть тесное сотрудничество церкви и полиции, которое, нужно отметить, не являлось чем-то вновь изобретенным, эта связь духовной и политической власти отмечалась еще во время заселения Сибири русскими первопроходцами [10, с. 109].

В первую очередь, сотрудничество церкви и полиции сводилось к общегосударственным процессам контроля миграции населения, которые регла-

ментировало центральное правительство, проводя в жизнь политику абсолютной монархии. Кроме этого, перестройка в течение фактически всего XVIII в. церковной администрации в полноценный бюрократический аппарат позволила церковной администрации наравне с полицией заниматься сохранением законопослушания и выявлением потенциально опасных элементов в интересах существовавшей власти.

С одной стороны, обращения духовного правления в полицию являлись своего рода обязанностью любого административного аппарата извещать компетентные органы о каких-либо беспорядках или нарушениях закона. С другой стороны, это примеры взаимодействия двух структур государственного аппарата, где полиции отводилась роль охранителя внешнего благочиния (законопослушание граждан, соблюдение порядка, выслеживание беглых), а целью церковной администрации было внутреннее благочиние (соблюдение церковных законов, послушание паствы, отсутствие инакомыслия и прочих «вредных» идей). Таким образом, взаимодействие церковной администрации в виде духовных правлений и городской полиции было объективным и закономерным результатом проведения политики государства в регионах, направленной на соблюдение порядка, законопослушания и искоренения антиправительственных элементов.

Литература

1. Голованова М. А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Улан-Удэ, 2004. — 211 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20.
3. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891.
4. ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3.
5. ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716.
7. ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144.
8. ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
9. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск: Наука, 1983. — 189 с.
10. Митыпова Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII–XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — Улан-Удэ, 2006. — 387 с.
11. Пулькин М. В. Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. — Т. 4, № 2. — С. 134–144.
12. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). — Петрозаводск: Изд-во Карельск. науч. центра РАН, 2009. — 422 с.